

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2026, Том 17, № 2 / 2026, Vol. 17, Iss. 2 <https://sfk-mn.ru/issue-2-2026.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/42KLSK226.pdf>

DOI: 10.15862/42KLSK226 (<https://doi.org/10.15862/42KLSK226>)

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Шмаков, В. С. Социокультурная эволюция локальностей в контексте интеграции vs. дезинтеграции / В. С. Шмаков // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2026. — Т. 17. — № 2. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/42KLSK226.pdf>. DOI: 10.15862/42KLSK226.

For citation:

Shmakov V.S. Socio-cultural evolution of localities in the context of integration vs. disintegration. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2026;17(2): 42KLSK226. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/42KLSK226.pdf>. DOI: 10.15862/42KLSK226. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 316.334.55

Шмаков Владимир Сергеевич

ФГБУН «Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук», Новосибирск, Россия
Ведущий научный сотрудник
Доктор философских наук, доцент
E-mail: vsshmakov@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2965-1758>
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=72871
WoS: <https://www.webofscience.com/wos/author/rid/MCЭ-6788-2023>

Социокультурная эволюция локальностей в контексте интеграции vs. дезинтеграции

Аннотация. В статье представлен анализ процессов интеграции и дезинтеграции локальностей, выступающих в качестве ключевых драйверов эволюции социокультурного пространства Евразии, оказывающих влияние на формирование сценариев социокультурного развития. Трансформация геополитической архитектуры мира формирует условия, в которых биполярная модель уступает место сложной системе множественных центров силы, усилением роли локальных социокультурных идентичностей. Актуальность темы обусловлена нарастающим напряжением между унифицирующим давлением глобальных экономических и социокультурных стандартов и стремлением локальностей к сохранению социокультурной матрицы, автономии и суверенитета. Понимание интеграции и дезинтеграции как фундаментальных механизмов социокультурной эволюции локальностей позволяет определить евразийское социокультурное пространство как состояние «подвижного равновесия» в условиях давления глобализованного социума. Социокультурное пространство Евразии характеризуется когерентностью традиционных и инновационных элементов, определяющих перспективы развития локальных сообществ в контексте выработки адаптивных сценариев, сохраняющих социокультурную самобытность. Динамика фрагментации культуры и социальности компенсируется формированием новых интеграционных кластеров на основе социокультурного цивилизационного родства, связанного с переходом от утилитарного сотрудничества к глубокой социокультурной синергии, где локальные сообщества выступают фундаментом для построения устойчивой многополярной системы, осуществляя своеобразный переход от имперских моделей интеграции к сетевым и полицентричным формам взаимодействия. Прогнозные сценарии социокультурного развития локальностей, учитывающие риски социокультурной эрозии и перспективы конструирования суверенных социокультурных

полюсов, отражают разнонаправленные тенденции от универсализации социокультурных форм, до активизации защитных механизмов сохранения локальных социокультур. Ведущей тенденцией становится не линейное стремление к единой модели развития, а дивергенция путей модернизации при одновременном сохранении функциональной взаимозависимости. Локальные сообщества выбирают селективную интеграцию обозначающую подключение к глобальным экономическим и технологическим сетям при сохранении социокультурной идентичности.

Ключевые слова: интеграция; дезинтеграция; социокультурное пространство; локальные сообщества Евразии; глобализация; идентичность

Введение

Развитие евразийского пространства характеризуется неординарной сложностью социокультурных движений, в которых глобальные тренды унификации культуры и социальности сталкиваются с активным запросом на сохранение локальной социокультурной идентичности. Геополитическая архитектура обуславливается фундаментальной трансформацией мирового пространства, усиливая роль локальностей в ответ на глобализационные вызовы и необходимостью переосмысления места Евразии в контексте мировой динамики, диктуемой практиками интеграции и дезинтеграции локальных сообществ Евразии. В центре внимания находятся противоречия между объективными предпосылками к макрорегиональной глобализации и одновременным нарастанием центробежных тенденций, фрагментирующих устоявшиеся социокультурные традиционные нормы, ценности и практики. Проблема сохранения социокультурной самобытности локальных сообществ при одновременной их включенности в общемировые алгоритмы приобретает особую остроту и актуальность.

Гипотеза исследования базируется на анализе динамики социокультурных трансформаций в контексте перехода к многополярному миру, выявление детерминант социокультурной эволюции, оказывающих влияние на формирование алгоритмов социокультурного развития Евразии. В ходе конвергенции в евразийском пространстве складываются разнонаправленные тенденции развития локальностей.

Первое. Распад биполярной системы мира и последующие геополитические сдвиги привели к пересмотру границ влияния и зон ответственности, увеличив значение локальностей. В социокультурном пространстве демонстрируются векторы развития от углубления интеграции в рамках ЕАЭС и ОДКБ до социокультурной дифференциации и усиления националистических дискурсов. Вызов геополитической дезинтеграции грозит формированием приоритета силовой логики.

Второе. Глобализация, столкнувшись с кризисом мультикультурализма, утратила феноменом «безальтернативного» пути развития в условиях усиления суверенизации, протекционизма. Глобальная миграция стирает физические границы, определяет системы взаимодействия и взаимовлияния, в то же время создает условия для формирования изолированных информационных пузырей, анклавов, обособленности локальных сообществ, прокладывая путь к дезинтеграции. Маргинализация локальностей инициирует социокультурную перекодировку, детерминирующую вытеснение локальных традиций, ценностей, языков, провоцируя конфликт социокультурных ценностей. Третье. Социокультурная безопасность, сохранение идентичности становится важнейшим основанием национального суверенитета. Процессы дезинтеграции, выражающиеся в размывании традиционных ценностей, миграционных кризисах и конфликтах идентичностей требуют осмысления и выработки управленческих процедур и механизмов.

В этом ракурсе интеграционные процессы диктуют необходимость концептуального обоснования перехода от экономической целесообразности к объяснению и пониманию глубинных социокультурных связей и отношений. Эрозия национально-государственных моделей социокультурной политики вызывает социально-экономическую поляризацию, архаизацию культуры и социальности, нестабильность политических режимов, кризис социальных лифтов локальностей.

Результаты и обсуждения

Понимание интеграции и дезинтеграции как фундаментальных акторов социокультурной эволюции локальностей дает основание для прогнозирования перспективы развития евразийского социокультурного пространства и определения сценариев движения в условиях давления глобализации, подчеркивает исследовательскую ценность проблем социокультурной интеграции vs. дезинтеграции. Интеграция, по сути, означает восполнение, замещение в условия глобализации, в социокультурном контексте определяется как процесс взаимного сближения, объединения и координации локальных сообществ на основе общности интересов, ценностей, норм, правил и символов. Это не просто механическое соединение, а возникновение нового качества системной целостности, характеризующейся снижением уровня энтропии внутри структуры и усилением взаимосвязей между элементами «своей» и «чужой» культуры и социальности. Дезинтеграция представляет собой расщепление целостности, ослабление связей между элементами традиционного социокультурного комплекса, ведущее к фрагментации и росту внутренней хаотичности и случайности. Дезинтеграция не носит абсолютно деструктивного характера, в процессе эволюции она служит механизмом обновления, создающим возможность отклонить нежизнеспособные структуры и сформировать фокусные центры кристаллизации социокультурной идентичности.

Проблематика интеграции и дезинтеграции социокультурных пространств находится на стыке нескольких научных дисциплин и имеет достаточно значимую историю. Классические теории интеграции восходят к идеям Т. Парсонса, разработавшего структурно-функциональный подход к интеграции социальных систем, Р. К. Мертон, сформировавшего основы социологического анализа науки как особого социального института с соответствующими ценностно-нормативными установками и принципами [1; 2]. Отметим, что направления исследований смещаются от изучения интеграции как линейного прогресса в рамках модернизационного подхода к пониманию ее как нелинейного, многовекторного процесса. Актуальными становятся темы «гибридной интеграции», «постэкономической трансформации», «цифровой суверенизации», «конкурирующих модернов» и др. В литературе акцентируется, что в условиях постмодерна классические модели интеграции размываются, уступая место интеграционным структурам и концептуальным теориям, где принадлежность к сообществу определяется не только экономикой и географией, но и ценностными предпочтениями, мировоззренческими мотивами и т. д. [3–7]. Дезинтеграция преимущественно рассматривается через призму распада, разрушения государственных систем и конфликтологии. В евразийский контекст исследования интеграции/дезинтеграции значительный вклад внесли представители классического евразийства [8; 9 и др.] и их современные последователи, обосновывающие цивилизационную уникальность евразийского пространства [10], включая анализ социокультурных трансформаций постсоветского периода [11].

Подчеркнем, что евразийское пространство находится в динамичном равновесии с некоторой долей изоляционизма, проявляющиеся процессы социокультурной фрагментации и эрозии коммуникативных связей и отношений компенсируются формированием коалиционных альянсов на других уровнях и с иными акторами. Глобализационное давление стимулирует дезинтеграцию на стадии ослабления социокультуры локальностей и подталкивает интеграцию

внутри локальностей, усиливая консолидацию как реакцию на унификацию. Продолжающиеся риски дальнейшей социокультурной эрозии под воздействием глобальной массовой культуры будут определять перспективы формирования суверенного социокультурного полюса на базе евразийской интеграции. Возникающие кластеры образуются не только на экономических, взаимовыгодных принципах, но и на мировоззренческой, социокультурной основе. Логика социокультурных трансформаций в историческом наследии Евразии отображает процесс непрерывной динамики границ, народов и социокультурных моделей. Евразийское пространство формировалось вокруг крупных имперских образований. Имперская модель интеграции базировалась на вертикали власти, унификации административного управления с доминированием, в первом приближении, одной социокультуры при сохранении определенной автономии периферии. После распада СССР *административные* границы превратились в государственные рубежи, что породило феномен «разделенных народов» и создало зоны нестабильности, инспирируя дезинтеграционные тенденции. Суверенизация элит, строительство национальных мифологий, языковая политика, направленная на лингвистическое давление, и корреляция социокультурных ценностей подталкивали фрагментацию социокультурного пространства, в то же время индуцируя осознание невозможности устойчивого стабильного развития в условиях изоляции. Вызовы безопасности, экономической взаимозависимости стимулировали новую волну интеграции. Создание СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС стало институциональным оформлением.

Потребности определили направление динамики социокультурных процессов в Евразии на основе переплетения причинных элементов, связанных с внутренними и внешними факторами влияния на эволюцию культуры и социальности.

1. Геополитическое давление, порождая необходимость поиска новых союзников, рынков сбыта и ресурсов, стимулирует интеграцию, в свою очередь, растормаживая дезинтеграцию в русле распада устоявшихся связей и отношений, проникая в сферу культуры и социальности.

2. Обозначившаяся экономическая асимметрия в уровнях развития породила разрыв между центрами и периферией, создавая миграционное напряжение. Технологические ресурсы, цифровизация создают виртуальное пространство, которое игнорирует физические границы.

3. Трудовая миграция послужила основанием, в том числе и социокультурного обмена, диагностируется и источником социокультурной напряженности, что работает на дезинтеграцию на бытовом и государственном уровне. Коммуникативные, социальные сети становятся площадкой как для транснациональной интеграции, так и для радикализации групп по этническому или религиозному признаку, дезинтеграции.

4. Демографические сдвиги определили разрыв динамики населения Евразии, что в процессе миграционного замещения обостряет вопросы социокультурной совместимости, восприятия и интеграции мигрантов.

В этом ракурсе специфика российского социокультурного пространства *характеризуется* высокой степенью внутренней дифференциации. Разные регионы обладают существенной спецификой интегрирования в глобальные процессы. Экономическое неравенство регионов, влияние внешних социокультурных раздражителей *создают* очаги потенциальной дезинтеграции.

Анализ цикличности интеграционно-дезинтеграционных процессов в Евразии показывает, что, начиная с эпохи имперской централизации, фазы интеграции сменяются периодами децентрализации, что позволяет прогнозировать перспективы будущей консолидации, вероятно, на иных основаниях, принципах и механизмах. Детерминанты этого перехода лежат в плоскости смены парадигмы безопасности не как контроля над территориями, а как устойчивость социокультурных связей и взаимодоговорных отношений сотрудничества и суверенитета.

Меняется логика интеграции, она становится более гуманистичной, ориентированной на человека, а не на границы и иерархии.

Факторы и детерминанты процессов интеграции и дезинтеграции локальных сообщества Евразии

Переход к многовекторной модели мира принципиально меняет контекст, в котором развиваются локальные сообщества, глобальный канал движения преимущественно однонаправленный, от центра к периферии.

В многополярном мире глобальные тренды активно воздействуют на жизнедеятельность локальных сообществ, образуя множественные векторы влияния, создающие сложную мозаику взаимодействий. Это порождает одновременное протекание процессов интеграции и дезинтеграции, которые часто носят противоречивый и нелинейный характер, формируя условия, демонстрируя интегрирующее и дезинтегрирующее воздействие одновременно, в силу различных побуждающих мотивов развития локальностей и глобального социума.

1. Производственно-экономические, технологические факторы.

Ресурсная технологическая зависимость, колебание цен на энергоносители влияют на социокультурную стабильность. Экономические, социальные кризисы провоцируют усиление национальной риторики и попытки отыскания внутренних врагов, либо стимулируют поиск союзников для выживания.

Активизирующиеся миграционные процессы на евразийском пространстве порождают экономическую взаимозависимость в трудовых ресурсах, которая работает как консолидирующий элемент, даже при наличии политических и социокультурных разногласий. На локальном уровне принимающих сообществ в России порождается реакция отторжения, формируя этнические кварталы и снижая уровень социального доверия, выступая фактором дезинтеграции. В условиях расширения приграничного сотрудничества налаживаются более тесные связи и взаимодействия, создаются устойчивые «пояса интеграции».

2. Социокультурные, символические конвенциональные факторы.

Противостояние традиции и новаций, с одной стороны определяет потребность в сохранении традиционных ценностей и архетипов, с другой — запускает процедуры внедрения либеральных моделей, разрушающих социокультурную матрицу локальностей. Ассимиляция локальных социокультур ведет к поляризации пространства и росту изоляционистских настроений, обостряя языковые проблемы. Попытки ограничения использования языка ведут к социокультурной изоляции локальных сообществ. В случае с миграционными потоками это приводит к языковым противоречиям и конфликтам, поскольку поддержание и развитие национальных языков выступают важным элементом суверенизации идентичности. Баланс между этими тенденциями задает вектор развития и систему взаимодействия и взаимосвязи локальных сообществ.

Проблема исторической памяти играет ключевую роль в системе отношений локальностей. Различия в трактовке истории являются мощным дезинтеграционным фактором. Конфликтующие нарративы препятствуют процессам консолидации. Интеграция диктует необходимость выработки разделяемых исторических констант или согласия на плюрализм интерпретаций.

Проблему интеграции заостряет религиозный фактор, по большому счету представляющий собой один из самых сложных мотиваторов дезинтеграции, что в условиях радикализации религиозного сознания ведет к фрагментации общества и конфликтам. На глубинном уровне процессы интеграции/дезинтеграции предопределяются массовым сознанием, мотиваторы которого могут как консолидировать, так и разобщать локальности.

Существенным элементом интеграции выступает социокультурный капитал, измеряемый уровнем доверия к соседям и институтам, который варьируется значительно. Низкое доверие коррелирует с высокими рисками дезинтеграции. В этом же ракурсе работает и проблема ощущения справедливости. Справедливое распределение благ интеграции служит ключевым условием устойчивости локальностей.

3. Институциональные, информационно-коммуникативные факторы.

В XXI веке информация стала стратегическим ресурсом влияния. Стремление государств контролировать информационное пространство ведет к фрагментации глобального интернета и масс-медиа, создавая «цифровые границы», которые могут не совпадать с физическими.

Проблема формирования гражданского общества представляется краеугольным камнем развития локальностей. Общественные объединения, движения служат своеобразными мостами между сообществами, решая общие проблемы, фрагментируя локальности по религиозным, социокультурным, мировоззренческим признакам и критериям. В этом значении эффективность институтов определяет способность общества управлять процессами интеграции/дезинтеграции. Слабость государственных институтов приводит к тому, что вакуум власти заполняется кланами, радикальными организациями или преступными группировками, что ведет к феодализации и дезинтеграции. Алгоритмы социальных сетей определяют картину мира, формируя разные векторы лояльности, способствующие поляризации мнений, усиливают дезинтеграционные течения внутри самих сообществ. Информационные сети, общие образовательные программы, признание дипломов, студенческий обмен создают элиту будущего, воспитанную в духе интеграции. Разрыв этих связей ведет к долгосрочной социокультурной дивергенции. Подчеркнем, в локальных сообществах Евразии процессы интеграции и дезинтеграции идут параллельно. Экономическая интеграция локальностей вполне уживается с социокультурной фрагментацией. Локальности, отвергая привносимые инновации, ценности, продолжают оставаться политически лояльным своему государству. Эта многомерность требует гибких инструментов управления.

С нашей точки зрения, одним из главных пунктов интеграционной проблемы, естественным детерминантом, защитным механизмом локальностей, выступает казус «своих» и «чужих», строго говоря, в условия дезинтеграции порождает ксенофобию и социокультурный шовинизм. С. Хантингтон, характеризуя проблему идентичности, зафиксировал: «идентичность — самосознание индивида или группы», «идентичность важна потому, что определяет поведение человека», «люди конструируют собственные идентичности, занимаясь этим кто по желанию, кто по необходимости или по принуждению». «Индивиды, как и группы (хоть и в меньшей степени), обладают множественными идентичностями». «Идентичности определяются “самостью”, являясь при этом результатом взаимодействия конкретного человека или группы с другими людьми или группами» [12, с. 50–53].

Именно в ключе аргументации С. Хантингтона процессы социокультурной дезинтеграции приобретают специфические формы, генерируя ответы на глобальные вызовы относительно развития и сохранения традиционной социокультурной идентичности.

Во-первых, наблюдается фрагментация глобального социокультурного пространства. Отказ от универсализма ведет к тому, что вариативные цивилизационные блоки замыкаются в себе, культивируя собственные ценности и отвергая чужие. Это может приводить к изоляции локальных сообществ, оказавшихся на стыке разнонаправленных цивилизационных влияний.

Во-вторых, дезинтеграция проявляется в росте локального национализма и сепаратизма. Ослабление центростремительных сил глобализации дает импульс центробежным движениям на местах. Локальные группы, чувствуя поддержку со стороны новых центров влияния или используя вакуум власти, инициируют требования большей автономии или акцентировать проблему независимости, что угрожает целостности существующих государственных образований.

В-третьих, происходит атомизация общества внутри самих локальностей. Разрушение традиционных социокультурных институтов под давлением модернизации и отсутствие новых объединяющих идей ведут к росту индивидуализма, снижению уровня доверия и распаду социальных сетей поддержки.

Важной особенностью современного этапа представляется то, что интеграция и дезинтеграция часто идут рука об руку, создавая сложный гибридный ландшафт. Локальное сообщество может дезинтегрироваться от глобального мейнстрима, отвергая западные ценности, но при этом активно интегрироваться в альтернативные транснациональные сети. Этот процесс сопровождается постоянной борьбой за смысловое, ценностное наполнение социокультурной идентичности. Важно обозначить для себя ответ на вопрос С. Хантингтона, заданный американскому народу: «Кто мы? Уже часть глобального мира или хранители уникальной социокультурной традиции? В данном контексте составная часть большого евразийского пространства или обособленный набор этносов?» Ответы на эти вопросы определяют траекторию развития.

Интеграция и дезинтеграция как ключевой актор социокультурной эволюции локальностей Евразии

Интеграция и дезинтеграция не просто сопутствующие явления экономического, политического, социокультурного характера, а выступают фундаментальным механизмом социокультурной эволюции, выходя за рамки инструментального управления территориями, технологическим процессами.

В этом ключе процедурно интеграция и дезинтеграция формируют ткань жизнедеятельности локальностей, определяют масштабы и смыслы социокультурного пространства, указывая способы коммуникации, передачи социокультурного наследия и воспроизводства идентичности. Контекстно социокультурное пространство допустимо визуализировать как поле напряженности, где одновременно действуют траектории сближения локальности и глобальности на новых основаниях, принципах, нормах.

Согласно методологии синергетики, социокультурные системы развиваются через бифуркационные точки, где малые флуктуации могут привести к кардинальным изменениям траектории развития [13, с. 70]. И. Пригожин и И. Стенгерс отмечают, что в этих точках процессы интеграции, упорядочивания и дезинтеграции, хаотизации находятся в состоянии динамического баланса [14]. В том смысле, что синергетика способна ассоциировать философские, шире — социокультурные — традиции разных времен, служа для них универсальным пространством для диалога, интеграции, взаимосвязи. С одной стороны интеграция выступает механизмом снижения социокультурной энтропии, определяя условия для предсказуемости взаимодействий, стандартизации норм и формирования общественного сознания. Э. Дюркгейм в свое время указывал на роль «коллективного представления» как клея, удерживающего общество в единстве [15]. В евразийском контексте этим «клеем» могут выступать общие исторические нарративы, языковое пространство, религиозные традиции, наконец, совместный опыт модернизации. Дезинтеграция, следуя своей сути, увеличивает неопределенность, одновременно обеспечивая вариативность направлений адаптации, не позволяя системе застаиваться. Так, например, распад империй часто рассматривается негативно, однако с точки зрения *longuedurée* (длинной истории) это может быть необходимым этапом не только для формирования национальных государств, но и активации локальных социокультурных потенциалов. Й. Шумпетер концептуализировал это как процесс «созидательного разрушения», ломая старую структуру и создавая новую», «креативную деструкцию», применимую не только к экономике, но и к любым системам, включая социальные структуры [16, с. 460–461].

Рассмотрение интеграции и дезинтеграции как парной категории, представляющей своеобразный механизм эволюции, позволяет вскрыть глубинные процессы социокультурной динамики. В рамках синергетического подхода социальные системы рассматриваются как открытые, неравновесные и самоорганизующиеся. В описываемых структурах процессы интеграции и дезинтеграции находятся в состоянии перманентного взаимодействия и конфликта.

Интеграция как порядок обеспечивает устойчивость структуры, ее способность к воспроизводству и накоплению социокультурного опыта. Интеграционные механизмы, общий язык, национальная идея, социокультурная идентичность, единое правовое поле снижают энтропию, координируют взаимодействия и позволяют локальностям объединять ресурсы для достижения общих целей, формируя, например, модели сосуществования народов на основе имперской идентичности. Отметим, что даже самая устойчивая конструкция со временем сталкивается с внутренними противоречиями и внешними вызовами. Нарастающая жесткость структур, бюрократизация и догматизация культуры и социальности блокируют адаптационные возможности. Процедура дезинтеграции выступает в роли разрушителя стереотипов; подвергающиеся распаду локальности под влиянием новаций образуют состояние хаоса в развитии социокультуры.

Подчеркнем, интеграция и дезинтеграция не представляют собой взаимоисключаемые противоположности. Они часто протекают одновременно на разных уровнях структуры. Глобальная экономическая интеграция может сопровождаться социокультурной дезинтеграцией на уровне глобализм vs локализм, в то же время политическая дезинтеграция стимулирует социокультурную интеграцию локальностей. Следует добавить, что в этом значении понятие «локальность» выступает не просто как географическая точка, а как социокультурный феномен, жизненное пространство, наделенное смыслом для его обитателей, обладающее специфическим набором производственно-экономических, институциональных и социокультурных практик, символов, границ и правил. У. Бек, А. Гидденс и С. Лэшв своей работе отметили как проблему «рефлексивной модернизации» [17].

Локальности под давлением глобализации не исчезают, а трансформируются, гибридизируются становясь внутренне более значимыми и осознанными, активно реагируя на процессы интеграции и дезинтеграции. Кризис культуры и социальности открывает путь к формированию новых идентичностей, социальных и культурных связей и отношений.

С нашей точки зрения социокультурная идентичность служит ключевым механизмом диалектического взаимодействия интеграции и дезинтеграции в локальном пространстве, представляется фундаментальным звеном идентификации. В Евразии идентичность многослойна, местожительство, национальность, религии определяют принадлежность личности к «миру», формируя социокультурную матрицу локальностей. В общем смысле интеграционные процессы носят двойственный характер и успешно развиваются, когда они резонируют с базовыми слоями социокультурной идентичности. В случае искусственного насаждения интеграции и игнорирования ответных социокультурных реакций формируются противоречия и конфликты локальностей и глобальности. В целом, интеграция и дезинтеграция диалектически выступают как функциональные механизмы эволюции локальностей, стимулируя и поддерживая колебательные движения между полюсами консолидации и разобщенности, и задача заключается в поиске конструктивного баланса, обеспечивающего развитие без потери целостности локальностей.

Сценарии социокультурного развития локальных сообществ Евразии

Давление глобализации конструирует два взаимосвязанных процесса эволюции евразийского социокультурного пространства.

С одной стороны, происходит определенная социокультурная интеграция наиболее мобильных слоев населения в глобальную социокультуру. Они разделяют универсальные ценности, активно используют глобальные цифровые платформы и ориентируются на западные стандарты потребления. С другой стороны, возникла достаточно эффективная защитная дезинтеграционная реакция со стороны приверженцев традиционных социокультурных ценностей локальностей. Консервативный поворот в российской политике и идеологии 2010-х годов стал ответом на это давление.

В условия формирования модели многополярного мира проблема сохранения социокультурной самобытности локальных сообществ при одновременной включенности их в глобализационные процессы приобретает особую остроту и актуальность, стимулирует поиск альтернативных моделей, где разные культуры и социальности сосуществуют без доминирования одной. Исследователи фиксируют сложную диалектику универсализации и локализации, формирование смешанных социокультурных форм, активизацию защитных механизмов локальных сообществ, направленных на сохранение идентичности [18]. В локальностях отмечается: «прогрессирующая унификация социокультурной среды становится преобладающей тенденцией развития локальных сообществ, отражаясь на эволюции социокультуры, программируя разрыв с традиционными нормами и смыслами и доминирование инноваций в социокультурном пространстве» [19, с. 70]. Л. М. Дробизева и С. В. Рыжова справедливо подчеркивают, что «российская идентичность широко распространена, имеет положительный тренд, вместе с тем она динамична, зависит от политических и социально-экономических условий в стране и регионах, отражает актуальные общественные настроения», обозначая, что «смысловое содержание находится в состоянии активного разностороннего наполнения» [20, с. 39, 51].

Становление многополюсного мира обосновывает принципиально отличающееся понимание социокультурного развития Евразии. Разрушение однополюсной модели, усиление новых центров силы, рост самосознания незападных цивилизаций актуализируют проблему поиска альтернативных сценариев развития, основанных на диалоге социокультур и цивилизаций. Будущее евразийского социокультурного пространства зависит от того, насколько локальности способны адекватно ответить на вызовы глобализации, определяемые технологической трансформацией и геополитической конкуренцией.

Динамика социокультурной эволюции локальностей генерирует несколько сценариев развития, формируя, продвигая вариативный баланс интеграционных и дезинтеграционных движений: инерционный (негативный), конфликтный (деструктивный) и конструктивный (синергетический). Каждый из этих сценариев предполагает гетерогенную степень агентности локальных сообществ и разные последствия для их будущего, фиксируя необходимость выработки механизмов самозащиты и стратегического баланса, позволяющих извлекать выгоды из интеграции, минимизируя риски распада.

Сценарий инерционный, воссозданный в процессе социально-экономической модернизации под давлением внешних санкций, внутренних кризисов и роста суверенизации и национального самосознания, при котором социокультурное пространство распадается на изолированные анклав.

В этом варианте интеграция происходит преимущественно сверху, через экономические и технологические стандарты с игнорированием социокультурных особенностей. Люди связаны экономически, но становятся чужды культурно и социально. Это создает риски скрытой внутренней дезинтеграции, поскольку при первом серьезном кризисе экономические связи могут разорваться, так как не подкреплены доверием и ценностной общностью. Этот сценарий характерен для текущей стадии развития многих интеграционных объединений, ставящих во главу угла ВВП и товарооборот.

Модель развития предполагает продолжение сложившихся тенденций постепенной, но неуклонной эрозии традиционной культуры и социальности, усиление влияния глобальной массовой культуры. Основные характеристики движения локальностей складываются в рамках усиления закрытия границ, визовых режимов, торговых войн, провоцируя доминирование дезинтеграционных процессов.

Глубокий экономический кризис, геополитические катастрофы, деградация государственных институтов, агрессивная политика внешних игроков по разделению территорий ослабляют возможности внутренних интеграционных проектов, порождая экономическую зависимость от внешних кредитов и технологий, становятся периферией чужих проектов. Техничко-технологическое отставание, потеря человеческого капитала, снижение уровня жизни, рост угрозы нищеты, миграция становятся источником внутрилокальных конфликтов, ксенофобии, радикализации религиозного сознания, размывания социокультурной идентичности. Вестернизация, языковая фрагментация, вытеснение традиционных ценностей инспирируют кризис идентичности, разрыв между элитами и народом становится источником конфликтов.

Риски сценария связаны с деградацией социокультурной инфраструктуры, нарастанием аномии, утратой ценностных ориентиров. В локальных сообществах происходит рост маргинальных слоев населения, не укорененных ни в традиционной, ни в насаждаемой социокультурной среде, стимулируется потеря социокультурной идентичности, заменой ее суррогатами массовой культуры. Локальности могут адаптироваться к новым условиям и выступают главным образом объектами, а не субъектами глобализационных процессов, преимущества многополярности остаются недоступными из-за отсутствия ресурсов и компетенций для взаимодействия с новыми центрами силы.

Второй сценарий — конфликтный, определяющий социокультурный разлом локальностей. Эта модель реализуется в случае выбора стратегии жесткого противостояния глобализации, последовательного отстаивания социокультурной самобытности в конфронтационных формах. В стремлении защитить свою идентичность сообщества радикализируются, замыкаются в себе и вступают в разногласия с окружающим миром. Реализация этого сценария возможна в случае эскалации геополитических противоречий и экономического кризиса. Интеграционные проекты распадаются, государства переходят к политике изоляционизма и протекционизма. Социокультурное пространство фрагментируется на замкнутые анклав, враждебные друг другу. Усиливаются радикальные националистические и религиозные движения. Миграционные потоки становятся неконтролируемыми, вызывая гуманитарные катастрофы. Технологическое развитие используется для усиления контроля и подавления инакомыслия. Этот сценарий ведет к деградации человеческого капитала и потере Евразией роли ключевого игрока мировой политики.

Локальное сообщество мобилизуется вокруг образа врага, что обеспечивает временную консолидацию, но ведет к долгосрочной изоляции и экономическому упадку, углублению социокультурных разломов, отказ от диалога и компромиссов. Акцентуация традиционализма способствует перерастанию в фундаментализм, использование религии и этничности — как символы сопротивления с глобализацией. Осуществляющийся односторонний процесс сопротивления социокультурной гомогенизации в форме изоляции не функционален, несет высокие риски для региональной стабильности, как путь к социокультурному кризису, гуманитарным катастрофам и вооруженным конфликтам.

Третий сценарий, конструктивный, синергетический, детерминирует устойчивое развитие на основе диалога культур. Реализация сценария зависит от способности локальных сообществ осознать свою субъектность и эффективно использовать возможности многополярного мира.

Модель движения представляется наиболее оптимальной, но достаточно сложной в реализации, связана выработкой локальными сообществами адаптивных стратегий, позволяющих избирательно интерпретировать и принимать инновации в социокультурную матрицу локальностей. Ключевую роль играет принцип когерентности, который «способствует определению культуры и социальности как локальный интегрированный опыт, трансформируемый от поколения к поколению» [21, с. 3].

Важным условием позитивной интеграции является диалог социокультур, основанный на принципах уважения и сотрудничества, заложенных еще в классическом евразийстве. Критической задачей определяется институционализация социокультурных взаимодействий, решение которой позволит предотвратить эффект конвергентности и дивергентности смыслов, сохранив уникальность локальных сообществ в условиях формирования многополярного мира. Необходим переход от парадигмы жесткого инновационного давления к парадигме, бережно сохраняющей традиционные ценности. Модель развития предполагает высокую квалификацию руководящих элит, поддержку со стороны государства и готовность к открытому диалогу.

Выбор между этими моделями не предопределен фатально и зависит от совокупности факторов, связанных с управлением, образованием, внешнеполитической конъюнктурой, способностью лидеров решать проблемы, населения принимать и реализовывать.

Задача состоит в том, чтобы создать условия, благоприятствующие принятию конструктивного сценария, и минимизировать риски перехода к инерционному или конфликтному варианту. Для евразийского пространства это означает необходимость разработки специальных программ поддержки локальных инициатив и создания платформ для межрегионального сотрудничества.

Заключение

В процессе взаимодействия локального и глобального формируется система социокультурных маркеров и архетипов, которые генерируют нормы поведения и ценностные ориентиры. Интеграция предполагает диалог и когерентность социокультур, способствуя выработке устойчивых структур, адаптированных к новациям. Дезинтеграция, в свою очередь, представляется реакцией на унификацию, проявлением стремления к сохранению уникальности.

Потеря устойчивости социокультурной системы ведет к образованию новых структур, что может инициировать как конфликтность, так и поиск новых форм идентичности. Социокультурная эволюция локальностей, таким образом, предстает как маятниковое движение между открытостью к взаимодействию и закрытостью ради самосохранения.

1. Процессы интеграции и дезинтеграции как эволюционные акторы не выступают случайными явлениями глобализации, а представляют собой имманентные механизмы развития сложных социокультурных систем. Социокультурное пространство Евразии находятся в диалектическом единстве, дезинтеграция старых структур создает основу, материал для новой интеграции. Управление этими процессами требует не подавления, а регулирования баланса для обеспечения динамической устойчивости.

2. Специфика евразийской социокультурной динамики характеризуется высокой степенью гетерогенности. Историческое наследие имперских образований, этноконфессиональное разнообразие и геополитическое положение создают уникальную конфигурацию, где интеграционные импульсы часто сталкиваются с эффективными центробежными силами. Постсоветский транзит показал, что чисто экономические модели интеграции недостаточны без социокультурного и ценностного фундамента.

3. Ключевыми детерминантами процессов интеграции и дезинтеграции обозначаются не только производственно-экономические и институциональные факторы, но и социокультурные, информационно-коммуникативные. Социокультурная идентичность, язык, историческая память, социокультурная среда и уровень социального доверия становятся главными векторами движения к интеграции. При этом локальные сообщества проявляют высокую агентность, адаптируя глобальные тренды под локальные потребности.

4. Наиболее жизнеспособным сценарием для Евразии представляется модель полицентричной, многоскоростной интеграции с сильным акцентом на социокультурное, гуманитарное и технологическое сотрудничество. Риски фрагментации остаются высокими из-за внешнего давления и внутренних социально-экономических диспропорций. Успех интеграции зависит от эффективности эндогенной и гетерогенной социально-экономической политики и привлекательности ее социокультурной модели, способности элит и сообществ локальностей договориться об общих правилах игры, уважая при этом разнообразие социокультурных моделей.

Анализ процессов интеграции и дезинтеграции в евразийском социокультурном пространстве позволяет сформулировать ряд выводов, в той или иной степени отражающих настоящее и будущее евразийского социокультурного пространства. Во-первых, интеграция и дезинтеграция служат имманентными механизмами самоорганизации евразийского социокультурного пространства, обеспечивающими его динамическое равновесие. Во-вторых, основными детерминантами трансформаций выступают глобализация, модернизация и ценностный кризис, провоцирующий конфликт традиций и новаций. В-третьих, ключевыми факторами развития локальностей отметим экономическую унификацию, институциональные стратегии локальностей и отстаивание социокультурной идентичности. В-четвертых, перспективы устойчивого развития Евразии напрямую зависят от способности локальных сообществ к когерентному диалогу, интегрирующему инновации без утраты социокультурного своеобразия и суверенитета.

В евразийском дискурсе особое значение приобретает принцип «месторазвития», акцентирующий связь народов с территорией и отвергающий европоцентристскую модель. Глобальный цивилизационный кризис выступает катализатором, заставляющим локальные сообщества пересматривать геополитические и социокультурные ориентиры.

В целом, евразийское социокультурное пространство находится в точке бифуркации. Перспективы зависят от ряда вызовов, связанных с преодолением исторических травм и недоверия между странами региона, балансирования между конкурирующими центрами глобальной силы, решения трансграничных проблем и развития гражданского диалога между сообществами. Успех в этих направлениях позволит евразийскому пространству не просто адаптироваться к глобальным изменениям, но и внести свой вклад в формирование более устойчивого и справедливого мирового порядка, основанного на признании множественности путей развития и социокультурных моделей. В совокупности перечисленные факторы формируют новую парадигму развития евразийского пространства, парадигму «сложной глобализации», где глобальные процессы не заменяют, а взаимодействуют с региональными и локальными динамиками, создавая уникальные гибридные формы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс. 1998. 279 с. <https://gtmarket.ru/library/basis/5395> (Дата обращения: 11.07.2026).
2. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ. 2006. 873 с. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003157362.

3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва. Медиум. 1995. 323 с. URL: <https://evolkov.net/soc.psychol/Berger.P.Luckmann.T/>.
4. Иноземцев В. Л. Расколотая цивилизация: наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической трансформации. М.: Academia. 1999. 720 с. URL: https://royallib.com/book/inozemtsev_v/raskolotaya_tsivilizatsiya.html.
5. Eisenstadt, S.N. Multiple Modernities / S.N. Eisenstadt // Daedalus. 2000. Vol. 129. No. 1. P. 1–29. DOI: 10.1177/03058298000290031201 URL: <https://www.jstor.org/stable/20027613>.
6. Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос. 2001. 256 с. <https://refdb.ru/look/2197887-pall.html>.
7. Панарин А. С. Искушение глобализмом. М.: Эксмо. 2003. 416 с. [https://dl.libcats.org/genesis/147000/0a7a97192fe3c74a1feefaa1dd7b025/as/%5BPanarin_A.S.%5D_Iskushenie_globalizmom\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/147000/0a7a97192fe3c74a1feefaa1dd7b025/as/%5BPanarin_A.S.%5D_Iskushenie_globalizmom(libcats.org).pdf) (Дата обращения: 11.0.2026).
8. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф. 2000. 560 р. https://bookscafe.net/read/trubeckoy_nikolay-nasledie_chingishana-239216.html#p1 (Дата обращения: 11.07.2026).
9. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф. 1997. 464 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002485694.
10. Попов В. Еще раз о евразийской сущности российской цивилизации // Вестник российской нации. 2019. 6(70). С. 33–52. EDN: JYWBDP.
11. Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука. 2013. 649 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006586782>.
12. Хантингтон С. Кто мы?: вызовы амер. нац. идентичности / Самюэль Хантингтон; [пер. с англ. А. Башкирова]. — Москва: АСТ: Транзиткнига, 2004. — 635 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002509474>.
13. Буданов, В. Г. Синергетическая парадигма и ее творцы / В. Г. Буданов // Сложность. Разум. Постнеклассика. — 2018. — № 3. — С. 56–72. — DOI 10.12737/article_5c063435bc0800.62284481. — EDN VNHPDK.
14. Пригожин И., Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / Илья Пригожин, Изабелла Стенгерс; Перевод с англ. Ю. А. Данилова; Общ. ред. и послесл. В. И. Аршинова и др. — Москва: Прогресс, 1986. — 431 с. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001332637>.
15. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон. 1996. 432. с. URL: https://royallib.com/book/dyurkgeym_emil/o_razdelenii_obshchestvennogo_truda.html (Дата обращения: 11.07.2026).
16. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия: Пер. с англ. / Й. Шумпетер; [Отв. ред. и авт. предисл. В. С. Автономов]. — Москва: Экономика, 1995. — 539 с. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001704046>.
17. Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Stanford: Stanford University Press. 1994. 225 p. https://books.google.ru/books?id=KqGRmn29488C&redir_esc=y (Дата обращения: 11.07.2026).
18. Аксенова, О. В. Концептуализация локального в западной социологии / О. В. Аксенова // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2014. — Т. 17, № 2. — С. 111–125. — EDN SIZRUB.

19. Шмаков, В. С. Социокультурная динамика: смыслы и побуждения / В. С. Шмаков // Сибирский философский журнал. — 2024. — Т. 22, № 1. — С. 70-81. — DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-1-70-81. — EDN PRVSYG.
20. Дробижева, Л. М. Общероссийская идентичность в социологическом измерении / Л. М. Дробижева, С. В. Рыжова // Вестник Российской нации. — 2021. — № 1-2(77-78). — С. 39-52. — EDN HAGVQK.
21. Шмаков, В. С. Когерентность социокультурных процессов в евразийском пространстве / В. С. Шмаков // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2024. — Т. 15, № 2. — DOI 10.15862/05SCSK224. — EDN IZSTYC.

Shmakov Vladimir Sergeevich

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

E-mail: vsshmakov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2965-1758>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=72871

WoS: <https://www.webofscience.com/wos/author/rid/MC9-6788-2023>

Socio-cultural evolution of localities in the context of integration vs. disintegration

Abstract. The article presents an analysis of the processes of integration and disintegration of localities that act as key drivers of the evolution of the socio-cultural space of Eurasia, influencing the formation of scenarios of socio-cultural development. The transformation of the geopolitical architecture of the world is shaping the conditions in which the bipolar model is giving way to a complex system of multiple centers of power, strengthening the role of local socio-cultural identities. The relevance of the topic is due to the growing tension between the unifying pressure of global economic and socio-cultural standards and the desire of localities to preserve the socio-cultural matrix, autonomy and sovereignty. Understanding integration and disintegration as fundamental mechanisms of socio-cultural evolution of localities makes it possible to define the Eurasian socio-cultural space as a state of «mobile equilibrium» under the pressure of a globalized society. The socio-cultural space of Eurasia is characterized by the coherence of traditional and innovative elements that determine the prospects for the development of local communities in the context of developing adaptive scenarios that preserve socio-cultural identity. The dynamics of fragmentation of culture and sociality are compensated by the formation of new integration clusters based on socio-cultural and civilizational kinship associated with the transition from utilitarian cooperation to deep socio-cultural synergy, where local communities act as the foundation for building a stable multipolar system, making a kind of transition from imperial models of integration to network and polycentric forms of interaction. The forecast scenarios of socio-cultural development of localities, taking into account the risks of socio-cultural erosion and the prospects for constructing sovereign socio-cultural poles, reflect multidirectional trends from the universalization of socio-cultural forms to the activation of protective mechanisms for the preservation of local socio-cultures. The leading trend is not the linear pursuit of a single development model, but the divergence of modernization paths while maintaining functional interdependence. Local communities choose selective integration, which means connecting to global economic and technological networks while preserving their socio-cultural identity.

Keywords: integration; disintegration; socio-cultural space; local communities of Eurasia; globalization; identity